

*Вал. А. Луков
В. Н. Кириллина*

**Гендерный
конфликт:
система понятий**

Природное различие женщины и мужчины, осмысленное в мировой философии и как одна из фундаментальных основ жизни в ее беспрестанном течении и вечном возвращении (Ф. Ницше), и как неперемнная часть жизненного мира — значимой для человека и непосредственно данной ему реальности (Э. Гуссерль), — такое расщепление идеи человека и всеобщее расщепление мира (инь-ян) по мере развития человеческих цивилизаций все в большей мере переходит из сферы чистого философского размышления в сферу социально-философского анализа. Этот сдвиг теснейшим образом связан с самим развитием социальной философии в XX– начале XXI века, изменением представлений о характере соотношения теоретико-методологического пласта социальных наук, эмпирических обобщений и собственно философского осмысления всей совокупности данных социологии, социальной психологии, социальной антропологии, других наук о человеке и обществе. Но, разумеется, в основе внимания к проблеме «женщина-мужчина» лежит колоссальное изменение положения женщины в современном мире, которое не может далее осознаваться с позиций, характерных для философии и социальной науки прошлых эпох. Поскольку расцвет позитивизма приходится на времена, когда женский вопрос обсуждался в крайне примитивной форме и захватывал ограниченный круг и проблем, и социальных участников — деятелей (актеров, но для женщин в этой системе оценки нет специального термина), то с этой философской линией, нашедшей выражение в ранней социологии, трудно соединить современное представление по проблеме «женщина-мужчина», хотя сегодня ни одна парадигмальная конструк-

ция философского и социально-научного знания не обойдет молчанием этой проблемной области.

Конец XX века выдвинул гендерный вопрос в качестве одного из особо актуальных для всего развития человечества и, в частности, для общественных изменений в условиях глобализации мировой экономики, усложнения социальных связей, нарастания негативных признаков формирования «общества риска». Само понятие гендера вошло в современный категориальный аппарат социальной философии в последние десятилетия, и это вполне соответствует той потребности, которая возникла в обществознании в связи с интерпретацией факторов социокультурного развития, столь стремительного именно в последние десятилетия. Понимание гендера как системы отношений между мужчинами и женщинами, включающей идеи, неформальные и формальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе, «институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются в соответствии с полом», определенного набора «гендерных контрактов», широко представлено в современной социально-философской и социологической исследовательской практике. В философском осмыслении гендера уже достаточно давно установился подход, в рамках которого придается особое значение социокультурной характеристике гендера или гендерной характеристике социокультурных явлений и процессов, а в ряде случаев и специальному выделению в качестве объекта рассуждения и исследования гендерной культуры (А. Турен, М. Мид, К. Леви-Стросс и др.). Предметом философского и научного дискурса стал и конфликтологический аспект гендера, поскольку

осознание гендерных различий не является результатом созерцания общественного устройства, а возникает как следствие борьбы с одной из форм социального неравенства — борьбы, получающей свое внешнее выражение в различных общественных движениях в основном феминистской направленности.

Из обозначившихся в социальных теориях подходов к гендерной проблематике (гендерный контракт, гендерная система, феминистская перспектива, теория половых ролей, гендерные репрезентации и т. д.) в ключе социальной философии для исследования современного этапа социокультурного развития особо значимым, а возможно, и наиболее существенным следует признать конфликтологический подход. Это вытекает как из устоявшегося представления о роли конфликта в становлении новых общественных смыслов и форм их проявления, так и из задачи отразить современное состояние гендерных различий в цивилизации европейско-американского типа (а значит — хотя бы и с оговорками — российской цивилизационной системы), которые перестали воспроизводиться по традиционным моделям (во всяком случае, в ядре цивилизации). Характеризовать такие различия в понятиях взаимодействия полов или даже гендерного противоречия, видимо, уже недостаточно.

Конфликтологический подход к анализу гендерных различий предполагает сравнительный социокультурный анализ. Это связано с тем, что, во-первых, сложившийся на Западе понятийный аппарат не представляется достаточно адекватным реалиям российского общества и не может быть некритически заимствован. Во-вторых, развитие гендерных противоречий в России показывает нередуцируемую социокультурную специфику, главный вектор которой еще только определяется. В-третьих, исторические условия, изменившие содержание гендерных отношений в XX веке, привели к конфликту старых культурных норм (присущих традиционному, патриархальному обществу) и новых, породили культурный шок. Вы-

ход женщин из приватной культурной среды во внешнюю, традиционно связываемую с Мужским началом, привело к изменению норм, ценностей, моделей, образцов поведения как мужчин, так и женщин.

В этом смысле гендерный конфликт является социокультурным феноменом общественного развития. Именно в конфликте обнаруживается конкретный социокультурный способ выражения гендерных противоречий в современном мире. Возникает реальная социальная проблема и одновременно проблема социально-философского исследования, выражаемая тремя вопросами: 1) может ли современное взаимодействие полов интерпретироваться с достаточными основаниями как социокультурный конфликт? 2) выступает ли гендерный конфликт фактором социокультурного развития? 3) в социокультурных изменениях последних десятилетий в России обнаруживаются ли следы нарастания или, напротив, преодоления гендерного конфликта? Каждый из этих трех вопросов может ставиться, если разрешен предыдущий. Это предметное поле социально-философского размышления и исследования. При этом все три вопроса не являются рутинными и не могут быть ни поставлены, ни адекватно разрешены без специального изучения обширного пространства социальных отношений и культурных форм, что делает проблематику исследования актуальной в теоретико-методологическом аспекте.

Для адекватного описания гендерного конфликта в социально-философском аспекте необходима система понятий — это самоочевидно, и разработка понятий в гендерных исследованиях ведется довольно активно. Но из анализа литературы следует, что обычно проработка понятий (их интерпретация и операционализация) ведется в связи с теми или иными задачами конкретного исследования. В социально-философском аспекте этого недостаточно, стоит сложная задача по формированию непротиворечивой и эвристичной понятийной системы, которая не только представит гендерный конфликт как обобщение эмпирически

вычленимых событий, но и позволит понять смысл таких событий за их пределами как фактов социальной жизни. Построение системы понятий, описывающих гендерный конфликт, должно вытекать из социально-философского осмысления его закономерной природы и особенностей.

Изложим наше видение проблемы.

Взаимодействие Женского и Мужского (или Мужского и Женского) начал — источник жизни Человека на биологическом уровне (точнее — витальном уровне, поскольку должны учитываться многие другие составляющие природного воспроизводства человека). Эти два начала необходимы и достаточны для порождения жизненных форм на этом уровне, они незаменимы и несводимы одно к другому. В своей существенной связи они образуют *единство противоположностей* и обладают *симметрией*. Симметричность Женского и Мужского есть характеристика их природных свойств. Она может трактоваться как 1) непроизводимость одного от другого; 2) их тождество как источников жизни; 3) недостаточность каждого из начал при отсутствии другого для воспроизводства жизненных форм.

Принцип симметричности Женского и Мужского начал означает, среди прочего, неправомочность их выстраивания в иерархическом плане: ни одно из них не является более значимым, более необходимым, более полезным и т. д., чем другое. Из целостности Человека следует, что закономерности, свойственные витальному уровню, должны проявляться и на социокультурном уровне. Иначе говоря, должна существовать принципиальная схожесть (своего рода избирательное сродство) структурных отношений по гендерному основанию. В известном смысле она реализуется в наличии сходных структур: Мужское и Женское начала реализуются в социальных статусах и ролях, культурных образцах, институциональных формах и т. д., они представлены в системе ценностей и норм. Но есть существенная разница в симметричности Женского и Мужского начал на витальном уровне и соотно-

шении Мужского и Женского начал на социокультурном уровне. В чем заключается эта разница?

Симметричность Женского и Мужского начал в социокультурной жизни, несомненно, лежит в основе жизненного мира и в целом выражается в недостаточности каждого из начал в отдельности для социального и культурного развития, однако она (симметричность) в значительной мере подорвана свойственными для социокультурного уровня человеческой жизни 1) автономией вплоть до полного отделения в локальных по месту и времени рамках и 2) возможностью установления нарушающей симметрию иерархии без разрушения симметрии, свойственной витальному уровню. Отсюда на социокультурном уровне достаточным является не принцип симметрии, а принцип дополненности, означающий возможность неравных (и в этом смысле асимметричных) отношений двух начал.

Именно здесь источник гендерного конфликта как реальности: необходимость симметрии двух начал на витальном уровне не переходит автоматически на трансвитальный уровень и не становится сущностным основанием социокультурных практик.

Но не является ли замена принципа симметрии принципом дополненности лишь эмпирическим обобщением, т. е. выводом из имеющихся данных о человеческой истории, но не из сущности рассматриваемых отношений двух начал? Иначе говоря, если предположить, что имеется гипотетическая возможность симметрии Женского и Мужского начал на трансвитальном уровне, то был бы этим исчерпан гендерный конфликт?

Социально-философское размышление над этой проблемой показывает, что здесь нет простого решения. Осмысление Женского и Мужского начал как единства имеет давнюю философскую традицию. Категориальная пара «инь-ян», перешедшая из китайской прафилософии в современный философский дискурс, может выступить своеобразным аналогом для построения рассуждения. «Инь» и «ян» лишь во вторую

очередь означают союз и различие Женского и Мужского начал, их главное назначение как философских категорий — фиксация космологических смыслов, где за «инь» закрепляется земное, за «ян» — небесное начала. Изложенная в «И-цзин» — «Книге перемен» идея, что из чередования этих двух начал состоит весь мировой процесс, может вполне ассоциироваться с диалектической идеей единства и борьбы противоположностей. То, что в ряду смыслов «инь» видим наряду с «женским» также «холодное», «темное», «подминаемое», «принимающее форму», а в ряду смыслов «янь» наряду с мужским — «теплое», «светлое», «упругое», «придающее форму» и т. д., отражает как культурные матрицы, так и некоторый отголосок наблюдений за витальным взаимодействием Женского и Мужского начал.

Вероятно, в этой аналогии есть и ключ стоящим перед нами вопросами. Если Женское и Мужское начала обладают симметрией на витальном уровне, то почему же — конфликт? Иначе говоря, где в симметрии взаимодополняемых и нуждающихся друг в друге противоположностей возникает существенный сбой, снимающий симметрию конфликтом?

Ответ на этот вопрос обычно ищется в социальном неравенстве. Исторически это совершенно обоснованно: матриархат и патриархат наиболее ясно выражают две модели системного неравенства по гендерному основанию. Далее мы также будем сосредотачиваться на неравенстве как сущности гендерного конфликта, но исходя из того, что это атрибут социокультурного уровня. Между тем и на витальном уровне следует видеть сбой симметрии.

В чем он? В действительности взаимодействие Женского и Мужского начал в процессе воспроизводства жизни путем рождения новых поколений живых существ симметрично лишь в том смысле, что без одной из противоположностей процесс порождения новой жизни невозможен. Но уже в функциональном ракурсе проблема выглядит иначе: за Женским началом природа закрепила

функцию сохранения, устойчивости, пассивности, а за Мужским — разрушения, экспериментирования, активности. Это природное разграничение, необходимое для продолжения рода, является наиболее глубоким, онтологическим основанием гендерного конфликта и его принципиальной неразрешимости в логико-философском плане.

Но это совсем не значит, что на социокультурном уровне неправомерно ставить проблему преодоления сложившегося неравноправия полов. Почему так? Есть два ракурса, важные для нашего размышления. Первый состоит в том, что, как мы уже говорили, социокультурный уровень в соотношении с уровнем витальным характеризуется автономией вплоть до полного отделения в локальных по месту и времени рамках. Что имеется в виду? История человечества демонстрирует множество примеров социальных образований, построенных с нарушением гендерного принципа — амазонки, мужские и женские монастыри, воинские братства и т. п. В целом оказываются возможными и осуществленными как реальность длительные союзы людей, целых общностей одного пола. Принятые нормы полоролевого разделения в них преобразуются без ущерба для эффективности и жизнестойкости таких сообществ, кроме единственного пункта — деторождения, который тем не менее преодолим за счет внешних для общества контактов. Так видел продление рода стражников Платон (общность жен, приходящих из города лишь с целью зачатия), таковы были социальные практики многих однополых сообществ. Очевидно, что подобная модель общества не может быть всеобщей, но как локальная модель она реальна.

Из автономности социокультурного уровня следует и то, что мы назвали выше возможностью установления нарушающей симметрию иерархии без разрушения симметрии, свойственной витальному уровню. Симметрия в продлении рода может сосуществовать с асимметрией в других социальных отношениях. История показывает, что

обе модели гендерной иерархии — матриархат и патриархат — возможны и продуктивны для определенных исторических эпох. Раз это так, никаких оснований для придания витальным атрибутам Женского начала (сохранение, пассивность и т. д.) характера второсортных по отношению к атрибутам Мужского начала (экспериментальность, активность и т. д.) нет и быть не может. Сами эти атрибуты следует рассматривать лишь в плане философского расщепления единого на противоположности, а не как свидетельство реальных качеств мужчин и женщин.

Второй ракурс. Только в ситуации, когда социокультурная модель основывается на ценностях и социальных практиках мускулинности, женская культурная модель воспринимается как противоречащая прогрессу (пассивность вместо активности и т. д.). Нет никаких серьезных аргументов считать, что мужская или женская модель неоспоримо прогрессивна или реакционна.

Из этого следует определенная трактовка поставленного в философии, культурологии, социологии вопроса о мужской и женской культурах. Если в рамках социологической теории правильнее говорить о субкультурах, то в социально-философском дискурсе имеет смысл постановка вопроса именно о двух гендерных культурах. В чем видится разница? Нас не должны отвлекать от сути вопроса многочисленные факты попыток культурной экспансии женщин в область мужской культуры: от учености Аспазии, мужского костюма и мужского имени Жорж Санд, до «железной леди» Маргарет Тетчер или «солдата Джейн» в исполнении Д. Мур. Это естественные вызовы отдельных выдающихся женщин, иногда целых организаций и общественных движений мужской культуре как доминирующей в обществе, но это вызов на поле, где властвует мужчина и по установленным им правилам.

Из витальной симметрии Женского и Мужского начал следует, что женская и мужская

культуры сущностным своим различием будут иметь разницу между пассивным и активным, сохраняющим и преобразующим, верным и изменчивым. Мы в этом направлении размышлений в целом характеризуем мужскую культуру как репрессивную и женскую — как нерепрессивную. Из этого различия не должны делаться выводы о моральном превосходстве той или иной культуры или о целесообразности передачи политического управления женщинам, чтобы преодолеть репрессивный характер установившейся культурной модели. Не могут быть убедительными и опровержения, основанные на исторических примерах, когда женщины достигали успеха путем жестоких репрессий (Клеопатра, Тамара, Ольга), прима-балерины и киноактрисы-звезды доводили продюсеров до психических срывов, среди совершивших особо жестокие убийства немало женщин и т. д. Разделение мужской и женской культур на репрессивную и нерепрессивную проводится нами в полном соответствии с подходом Макса Вебера к идеальным типам. Для него идеальный тип — «интерес эпохи», который не извлекается из эмпирических исследований, а конструируется как теоретическая схема: «Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более чужды миру, тем лучше они выполняют свое назначение — как в терминологическом и классификационном, так и в эвристическом отношении», — подчеркивал М. Вебер¹, и мы используем этот способ теоретизирования.

«Репрессивная культура» и «нерепрессивная культура» — идеальные типы культуры в аспекте сущности гендерных различий. В реальности же они не только переплетаются, но нередко ассоциируются с представителями противоположного пола или вообще не связываются с различиями по полу.

Такова общая линия в трактовке гендерного конфликта. Из этой линии и следует си-

¹ Цит. по: История буржуазной социологии XIX — начала XX века. М., 1979. С. 258.

стема понятий, которая необходима для адекватного описания гендерного конфликта в социально-философском аспекте.

Центральным понятием в выдвигаемой нами понятийной системе является *гендерный конфликт*. Само по себе это утверждение на первый взгляд банально, поскольку именно гендерный конфликт описывается формируемой системой понятий. Однако утверждение приобретает некоторый смысл, если учесть, что само понятие находится на пересечении двух исследовательских линий, каждая из которых в отрыве от другой не обязательно должна предусматривать такое пересечение: конфликт не всегда имеет гендерную атрибуцию, гендер не всегда проявляется как конфликт.

Родовым для данного понятия является понятие социального конфликта. Какими видовыми характеристиками оно наделяется, когда речь идет о гендерном конфликте? Ответ на этот вопрос не может не учитывать того обстоятельства, что само соединение конфликта и гендера с целью анализа социальных связей не аксиоматично. В российской социологии, в частности, более распространены понятия *гендерных отношений*, *гендерного уклада*, *гендерного контракта* и т. д., в которых конфликтологический аспект не занимает существенного места¹. Конфликт и в новейших социологических исследованиях по-прежнему рассматривается как высшая стадия развития противоречия², что для анализа гендерных конфликтов создает понятийную рамку, требующую трактовать конфликт как событие с явными признаками противостояния.

Между тем особенность гендерного конфликта проясняется, если трактовка родового понятия ведется в духе концепции Г. Зиммеля, опирающуюся на три утверждения,

которые мы считаем базовыми: 1) конфликт не рассматривается лишь как фаза социокультурной жизни, а является постоянной характеристикой взаимодействия потока жизни с создаваемыми им социокультурными формами; 2) конфликт, проходя сквозь всю историю культуры, зачастую остается неявным; 3) конфликты имеют значение не только ввиду перспективы их разрешения³. События типа аристофановского «Бунта женщин» в истории крайне редки и не оказывают существенного влияния на социокультурное развитие. Напротив, повседневное гендерное взаимодействие без видимых всплесков противоречий, но конфликтное по своей сути становится важным фактором социокультурных изменений.

Гендерный конфликт как способ взаимодействия мужчин и женщин имеет свой предмет, свои особенности и специфику действия. Определение содержания основных категорий и понятий позволяет раскрыть изучаемую тему и создать в результате схему анализа, включающую определенные последствия для особой области социальной деятельности. Основой категориального анализа является исследование таких понятий, как *гендер*, *пол*, *идентичность*.

В современной научной литературе понятие «гендер» используется для разведения понятий биологический пол (*seks*) и социальный пол (*gender*). Несмотря на некоторое отличие трактовок понятия «гендер», последний преимущественно рассматривается как одно из базовых измерений социальной структуры общества наряду с классовой принадлежностью, возрастом и другими характеристиками, организующими социальную систему. Этот подход принят достаточно широко в науке, он нашел отражение в определениях гендера. В частности, Е. А. Здравов

¹ См., напр.: Кривцова И. В. Семьи военнослужащих: трансформация гендерного контракта (на примере семей военнослужащих ДВО): Автореф. дис... канд. социол. наук. Хабаровск, 2004.

² См., напр.: Черкасова Т. В. Управление конфликтами в молодежной среде как социальная проблема: Автореф. дис... д-ра социол. наук. М., 2004. С. 13.

³ См.: Зиммель Г. Изменение форм культуры // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. Философия культуры. М.: Юристъ, 1996. С. 483.

мыслена и А. А. Темкина пишут: «Гендер — это социальный статус, который определяет индивидуальные возможности в образовании, профессиональной деятельности, доступе к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивного поведения. Социальные статусы действуют в рамках культурного пространства данного сообщества. Это означает, что гендеру как статусу соответствует гендерная культура»¹. Обратим внимание на то, что гендер здесь трактуется как социальный статус. Это значит, что в системе понятий концепции гендерного конфликта так понимаемый гендер не мог бы выступать в качестве родового понятия, поскольку статус — лишь один из элементов гендерной системы.

В других трактовках гендера его содержание рассматривается существенно шире. По мнению ряда исследователей (С. Лорбер, С. Фарелл), гендер представляет собой конструкт, в основе которого лежат три группы характеристик: биологический пол; полоролевые стереотипы, распространенные в том или ином обществе; «гендерный дисплей» — многообразие проявлений, связанных с предписанными обществом нормами мужского и женского действия и взаимодействия². Относительно последней группы характеристик заметим, что понятие гендерного дисплея ввел в свое время И. Гоффман. Он стремился подчеркнуть несводимость понятия гендера к понятию роли или совокупности ролей, предписанных обществом человеку по признаку его пола, и в его трактовке гендерный дисплей означает множественность проявлений культурных составляющих пола³. Такой путь, по нашему мнению, более перспективен для трактовки гендерного конфликта как масштабного явления со-

циальной и культурной жизни, как фактора социокультурных изменений. Очевидно, что такие изменения происходят не только под действием перемен в системах социальных ролей.

Большое методологическое значение также имеют положения двух концепций — теории социального конструирования гендера и теории гендерной системы. Первая позволяет изучать диахронический аспект культуры, вторая — синхронический. Вкратце охарактеризуем их главные идеи.

Понятие гендера как социальной конструкции основывается на представлении, согласно которому индивид осваивает в процессе социализации на протяжении всей своей жизни культурные образцы (паттерны), включая и те, которые позволяют ориентироваться в пространстве гендерных отношений. При этом, по определению Э. Гидденса, в случае попадания индивида в конфликтную критическую ситуацию, нерелевантную прежним нормам, происходит процесс ресоциализации — разрушения ранее усвоенных норм и образцов поведения и усвоения или выработки новых. Таким образом, в процессе социализации и ресоциализации осуществляется воспроизводство и развитие гендерной культуры общества.

Понятие «гендерная система» обычно трактуется как совокупность отношений между мужчинами и женщинами, включающая идеи, неформальные и формальные правила и нормы, определенные в соответствии с местом, целями и положением полов в обществе⁴, как «институты, поведение и социальные взаимодействия, которые предписываются в соответствии с полом»⁵, как совокупность «гендерных контрактов». Понятие гендерной системы позволяет нам вычлени-

¹ Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой Российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «Валдай-96». М., 1997. С. 84–85.

² Lorber S., Farrell S. (eds). *The social construction of Gender*. Sage publications, 1991.

³ Goffman E. *Gender Display* // *Studies in Anthropology of Visual Communication*. 1976. № 3. P. 67–77.

⁴ Hirdman Y. *The Gender System* // Andreassen T. et al. (eds). *Moving on. New Perspective on the Women's Movement*. Aarhus Univ. Press, 1991. P. 208–220.

⁵ Relzetti C. G., Curral D. *Women, Men and Society*. Boston, 1992. P. 14.

и проанализировать конфликтологический аспект гендерной культуры общества. В то же время нельзя не заметить, что в основном системный подход к гендеру представлен в структурно-функционалистской версии. Как нам представляется, эта версия слишком упрощает сложность гендерных отношений в наше время. В ней скорее обосновывается устойчивость устаревших систем гендерных идеалов и гендерных ролей.

От символического интеракционизма идет иная линия интерпретации гендерных отношений, которая основывается на выявлении соответствующих идентичностей и особенностей их становления и трансформации в течение жизни.

В целом рассмотрение множества точек зрения на понятия, которые применяются при разработке гендерной проблематики, показывает, что, с одной стороны, в социальной философии, гуманитарных науках пока не удалось прийти к консенсусу в отношении дефиниций основных понятий таких исследований и даже к самому их выделению, с другой — действия, направленные на создание системы основных понятий для осмысления гендерного конфликта, вполне оправданы и целесообразны.

Мы представим свою вариацию такой понятийной системы, учитывая существенные изменения, произошедшие во второй половине XX века в дискурсе философии (и особенно в социально-философской проблематике) в отношении категориальных систем. Хотя вопрос о категориальной культуре и отошел на второй план социально-философских исследований в результате критики крупных понятийных систем, построенных по иерархическому принципу, сохраняет актуальность раскрытие связи категорий и их наполнение новым содержанием по мере социокультурных изменений. Это обстоятельство определяет возможность построения понятийных систем не по одному, а по нескольким основаниям, что нашло свое выражение в сетевых категориальных системах, где узлы сети могут выступать как достаточно автономные системные об-

разования со своими правилами взаимосвязи понятий.

В нашем случае основание для раздвоения понятийных групп дает восхождение базового понятия концепции «гендерный конфликт» не к одному, а к двум родовым понятиям.

Первая группа понятий связана с трактовкой гендера. Мы уже обращали внимание на то, что гендер не представляет собой только социальный статус. Его многомерность, видимо, следует понимать как *гендерную систему*, которая включает связанные с гендерными отношениями социальные статусы и роли, ценностно-нормативные регулятивы, устойчивые социальные практики, а также гендерную идентичность. В этом контексте гендерная система выступает в своих статических характеристиках, но они недостаточны, чтобы прояснить существо гендерного конфликта. Названные элементы гендерной системы конструируются и подвергаются переструктурированию в процессе социального развития. Динамический аспект гендера дает представление о его источниках и способах проявления, поддержания и изменений.

Если ставить знак равенства между понятиями «гендерная система» и «гендер», то определение гендера может быть в рамках нашей концепции представлено следующим образом: *гендер есть система социальных связей, существенная сторона которых — реализация в разнообразных жизненных ситуациях установившихся в данном обществе правил поведения в соответствии с полом. Эти правила вытекают из социально одобряемых статусно-ролевых и ценностно-нормативных конструкций, осваиваемых индивидом в процессе социализации и закрепляемых его идентичностью с одним из полов.*

В этой группе понятий мы выделим:

Гендерный жизненный мир. Понятие жизненного мира, идущее от Э. Гуссерля, означает совокупность первичных, фундаментальных (термин Гуссерля) интенций; для жизненного мира характерны непосред-

венная очевидность, интуитивная достоверность его феноменов, понимаемых и принимаемых индивидом как таковые. Жизненный мир представляет собой, по Гуссерлю, целое без четкой архитектуры, эксплицированной структуры; «тематически присутствуя в нашем частном мире... жизненный мир остается нетематизированным»¹. Комментируя эту позицию Гуссерля, А. Г. Ионин отмечает: «Однако это не означает, что жизненный мир не имеет отношения к организованной практической деятельности... Жизненный мир представляет собой целостную структуру человеческой практики, и любая организованная деятельность по исследованию определенной части жизненного мира, изымая ее тем самым из совокупности очевидно понимаемого, продолжает существовать (и не может не существовать) в жизненном мире, опираясь на смутное, непроясненное, нерелексированное знание его»².

Гуссерлианское понятие жизненного мира, развитое позже А. Шюцем и его последователями в рамках феноменологической социологии, весьма продуктивно для трактовки гендерного конфликта. Оно, в частности, показывает, почему такая трактовка не обязательно должна предполагать его (конфликта) осознанность и организованность противостоящих сторон. Обыденность мышления и действий в жизненном мире снимает вопрос о необходимости осознанности и организованности, но не снимает вопрос о возможности конфликта.

Итак, мы фиксируем понятие гендерного жизненного мира, который понимаем как обыденный мир, значимый для человека и освоенный им в ходе социализации как гендерно разделенный.

Гендерное конструирование реальности. Из предыдущего изложения ясно, что феноменологическая трактовка жизненного мира неразрывна с представлением о социальном конструировании реальности. Не считая, что такое конструирование должно быть связано (как у Гуссерля) с трансцендентальной субъективностью, мы склонны считать, вслед за П. Бергером и Т. Лукманом, что конструирование реальности — действие, исходящее из повседневных задач человека, и что «рядовые люди в разных обществах считают само собой разумеющимися различные «реальности»»³. Почему же? Анализ показывает, что основной источник социального конструирования реальности — необходимость ориентации в социальной среде⁴. Таким образом, от состояния и характеристик социальной среды зависит и то, что представляют собой те или иные когнитивные версии социальных конструктов. Жизненный мир воспринимается людьми как зонально разделенный (знакомое приближено, незнакомое удалено)⁵. Это свойство и предопределяет, что социальное конструирование реальности дает разные картины мира, выстраивает разные тезаурусы (ориентационные комплексы)⁶. Очевидно, что данные трактовки могут быть с успехом применены к гендеру, поскольку в основе различных оценок пола как социального признака лежит не некое природное свойство людей, а именно социально сконструированные правила, выступающие как ориентационные модели поведения в каждом из обществ.

Итак, гендерное конструирование реальности мы трактуем как формирование в общественном сознании картины жизненного

¹ Цит. по: Ионин А. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000. С. 46.

² Там же. С. 46–47.

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Пер. с англ. М., 1995. С. 301.

⁴ См.: Ковалева А. И., Луков В. А. Социология молодежи: Теоретические вопросы. М.: Социум, 1999. С. 155.

⁵ См.: Бергер П., Лукман Т. Указ. соч. С. 76.

⁶ См.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках // Знание. Понимание. Умение. 2004. № 1. С. 93–100.

мира, для которой значимы различия между женщинами и мужчинами с точки зрения исполнения ими определенных социокультурных функций. Складывающиеся правила поведения, статусно-ролевые стереотипы и т. п. ориентируют индивида в выборе им моделей поведения и символических средств закрепления и демонстрации половой идентичности.

Гендерные социальные практики. Юрген Хабермас трактует социальные практики как «все то, что делают социальные агенты, включая, разумеется, и целесообразные преобразования предметов, взятые в их социальных формах. Практики не могут быть сведены ни к объективному научному познанию, ни к субъективному опыту сознания, а являются действительным осуществлением социальных отношений»¹. Это представление о социальных практиках наиболее соответствует тому, что может характеризовать гендерные отношения. В то же время стоит учитывать и более узкие значения понятия, поскольку в этом случае возникает возможность его конкретизации и операционализации в эмпирических исследованиях. Такого рода эвристичное сужение содержания социальных практик обнаруживаем у Т. И. Заславской.

«Понятием *социальные практики*, — пишет Т. И. Заславская, — обозначаются устойчивые системы взаимосвязанного и взаимно ориентированного ролевого поведения социальных субъектов (индивидов, организаций и групп)... социальные практики — это конкретные формы функционирования общественных институтов. Общей же формой реализации каждого института служит не что иное, как *совокупность* социальных практик в соответствующей сфере. Конечно, институты, как всякая сущность, глубже

и устойчивее форм своей реализации. Конкретные практики могут меняться, не затрагивая сущности институтов. Тем не менее трансформация институциональной структуры общества — это прежде всего *социокультурный* процесс, внешним выражением которого служит качественное изменение повседневных массовых практик»². Внимательные исследовательницы к институциональной составляющей социальных практик представляется значимым для гендерной тематики. Причем, по Заславской, «институционализируются преимущественно те социальные практики, которые отличаются либо большей значимостью и массовостью, либо устойчивостью и традиционностью. Именно такие практики составляют устойчивое ядро жизнедеятельности данного общества, в то время как недавно возникшие, менее значимые, сравнительно редкие, ненормативные или противозаконные практики обычно представляют ее периферию»³. Эта трактовка как нельзя лучше подходит для рассмотрения гендерных социальных практик. Будучи повседневными действиями, эти практики имеют широчайшее распространение и в пределах той или иной социокультурной модели и обладают высокой степенью принудительности для индивида.

В нашем случае будем трактовать гендерные социальные практики как устойчивые типичные опривыченные действия людей, ориентированные на статусно-ролевые различия женщин и мужчин в данной культуре.

Гендерные статусы и роли. Соответственно сказанному необходима трактовка социальных статусов и ролей в ракурсе гендера. Различия в трактовке социальных ролей наиболее заметны при сопоставлении позиций представителей структурного функционализма, где признается, что личность пред-

¹ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 4. Auflage. Bd. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. S. 385.

² Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. С. 507.

³ Заславская Т. И., Шабанова М. А. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда. http://www.hse.ru/journals/wrldross/vol02_2/zasl_shab.pdf

расположена к определенным ролям (ролевые ожидания), а сама роль — постоянно воспроизводимый стереотип поведения, и символического интеракционизма, для представителей которого роль — результат опыта взаимодействия акторов, она постепенно выстраивается. В отношении гендерных ролей применима и та и другая трактовка, поскольку половое разделение социальных функций имеет слишком древние истоки и может восприниматься как всегда существовавшее, но в действительности также выстраивается в реальной коммуникации, порождает у каждого индивида опыт выстраивания гендерно ориентированного поведения в процессе социализации. Здесь, возможно, наиболее удачен подход Р. Линтона, который трактовал роль в тесной связи с понятием социального статуса и видел в ней динамический аспект последнего¹.

С учетом сказанного будем трактовать гендерный статус как нормативно определенное положение представителя данного пола в данном обществе, порождающее ожидаемое от мужчины или женщины поведение и социальные санкции за отклонение от установленных норм такого поведения. Под гендерной ролью будем понимать поведение, ожидаемое в данном обществе от мужчины или женщины как соответствующее его (ее) гендерному статусу.

Гендерные ценности, нормы, установки. Принятое в социальных науках определение ценности как свойства общественного предмета удовлетворять определенным потребностям социального субъекта (человека, группы людей, общества)² для данного контекста не совсем подходит. Гендерные ценности могут определяться через значение тех или иных свойств пола, отношений между полами и/или среди лиц одного пола для субъекта. Причем субъект не обязательно в этом случае трактуется как индивид. Здесь

вновь большое значение имеет то обстоятельство, что гендерные ценности имеют большую устойчивость, передаются в процессе преемственности и смены поколений веками. Вслед за Н. Смелзером подчеркнем, что истоки ценностных отношений находятся в социальном характере деятельности людей и ценностные отношения не возникают, пока не возникает проблематичность в удовлетворении актуальной потребности³.

Гендерные ценности являются своего рода вершиной управляющей действиями людей системы значений. На следующих уровнях находятся гендерные нормы и установки. Относительно гендерных норм примем следующее определение: это образцы и правила деятельности, регулирующие поведение людей в соответствии с гендерными ценностями, с одной стороны, и гендерными установками, с другой. Прояснение этого срединного положения гендерной нормы предполагает определенную трактовку гендерных установок. Мы будем исходить из того, что гендерные установки — социально-психологические предрасположенности субъекта к взаимодействию с учетом половой принадлежности других взаимодействующих субъектов, готовность к целенаправленной деятельности в гендерно разделенном социокультурном пространстве. Итак, гендерные ценности, нормы, установки составляют своеобразную лестницу, на верхней ступеньке которой находятся наиболее общие основания регуляции гендерного поведения, на средней — система выработанных в обществе предписаний гендерного поведения, неисполнение которых влечет за собой социальные санкции (формальные и неформальные), на нижней — бытовые ориентирующие импульсы, имеющие форму готовностей к тому или иному (нормативному или девиантному) гендерному поведению.

¹ См.: Современная западная социология: Словарь / Сост. Ю. Н. Давыдов (рук.) и др. М.: Политиздат, 1990. С. 299.

² Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 226.

³ См. там же. С. 226–227.

Гендерные институты. Определенные обезличенные комбинации гендерных статусов и ролей, ценностей и норм, вытекающие из социальных потребностей в ориентированном на половые различия людей поведении, представляют собой гендерные институты. При такой трактовке, которая опирается на некоторые определения социальных институтов, гендерными институтами могут признаваться многие устойчивые системы опривыченных действий людей. К гендерным институтам могут быть отнесены, например, предбрачное ухаживание, свадьба, брак, семья, развод. Но в число гендерных институтов попадут и такие, как косметические салоны, клубы знакомств, феминистские движения и т. д. По развитию гендерных институтов в значительной степени можно характеризовать состояние гендерных отношений. Однако нельзя не учитывать, что определенную часть таких институциональных форм составляют неформальные институты, нередко закрытые для внешнего наблюдения именно в силу того, что они опираются на определенные установки гендерного поведения, которые не признаны в обществе как нормативные. В этом плане возникают некоторые параллельные течения в гендерном пространстве, нередко латентные, включающие в гендерный конфликт неожиданные повороты и этим то сбрасывающие напряженность конфликта, то увеличивающие ее. Здесь, среди прочего, действуют субъективные составляющие определения ситуации, во многом зависящие от гендерной идентичности.

Гендерная идентичность. Важнейшая характеристика гендера — гендерная идентичность. Она может быть определена как тождественность индивида, группы с социальным полом в соответствии с субъективным определением ситуации (термин У. Томаса). Участие в гендерном разделении общества на той или иной стороне (женщины, мужчины) в соответствии с принятыми в обществе гендерными нормами, или намерение быть вне этого разделения, или стремление сместить границы этого разделения путем девиа-

ции и т. д. — все эти пути возможны в гендерном пространстве. В своей основе гендерные идентичности очень сильны, из их власти практически вырваться нельзя именно потому, что они формируются в процессе первичной социализации, носят изначальный характер. Однако в условиях социальной анонии не исключены довольно обширные периоды размытой гендерной идентичности. Эти явления, разумеется, не охватывают всех женщин и мужчин, но девиантное гендерное поведение распространяется довольно широко, а в обществе ослаблена санкция в отношении него и имеет место то, что И. Гофман назвал «общественным безразличием».

Гендерная субъектность. На фоне той или иной гендерной идентичности проявляет себя гендерная субъектность — способность женщин и мужчин выступать в той или иной гендерной роли по собственному выбору, активно воздействовать на гендерные процессы. Определение понятия «гендерная субъектность» не характеризует процесса воздействия на гендер, а лишь фиксирует, что человек обладает такой способностью, которая в определенных социокультурных условиях начинает проявляться в активных действиях по поддержанию гендерной системы или ее трансформации.

Таковы основные определения первой группы понятий, характеризующих гендерный конфликт со стороны его гендерной составляющей.

Во вторую группу мы включаем понятия, отражающие качества гендерного конфликта как конфликта. Наше базовое понятие в этом пучке связей восходит к категории конфликт через понятие *социальный конфликт*. Мы продолжаем понятийный ряд, отталкиваясь от понимания того, что социальный конфликт представляет собой социальную связь, обусловленную двумя видами ресурсного дефицита: первый (позиционный) означает невозможность одновременного исполнения некой роли или функции двумя субъектами, что ставит их в отношении состязательности; второй (связанный

с дефицитом источников) возникает при ограниченности каких-либо ценностей, так что два субъекта одновременно не могут удовлетворить свои притязания в полной мере. Конфликт возникает в том только случае, когда стороны стремятся к получению выгоды за счет друг друга. Действия конфликтующих сторон должны быть направлены на достижение несовместимых или взаимоисключающих целей (ценностей) и, следовательно, сталкиваться. При конфликте всегда идет речь о попытке достижения, изменения и, соответственно, сохранения способности контролировать и направлять поведение другой стороны.

Применительно к гендерному конфликту эта трактовка социального конфликта позволяет увидеть источником его поддержания и развития дефицит социальных позиций, вытекающий из симметрии Женского и Мужского начал, а также сбой этой симметрии в ценностно-нормативной регуляции социальной и культурной жизни.

Исходя из этого дадим следующее определение: *гендерный конфликт есть такой тип социальной связи, который основывается на природной дихотомии человека — симметрии Мужского и Женского начал, нарушаемой в социокультурных практиках утверждением социального неравенства людей на основании половой принадлежности, и состоит в противодействии таким практикам в явных и неявных формах, но принципиально не может быть разрешен доминированием одного из начал.*

На конфликтологическом направлении построения системы понятий для нашей концепции имеет значение прежде всего понятие гендерного неравенства. Другие понятия в той или иной степени зависят от того, как трактуется такое неравенство.

Гендерное неравенство. Гендерный конфликт по своему существу есть противоречие, в основе которого лежит социальное неравенство полов. Гендерным неравенством мы называем иерархическое отношение между мужским полом (признаваемым в обществе ведущим, главным, первым и т. д.) и женским

полом (признаваемым в обществе ведомым, подчиненным, вторым и т. д.). На уровне чистой формы понятия могла бы предусматриваться возможность и обратного. В ряде случаев основой для такого дополнения является матриархат, но надо признать, что это неверное суждение. Практически в истории человечества гендерное неравенство повсеместно реализовано как власть Мужского начала над Женским, что мы и отражаем в формулировке данного понятия.

Ситуация гендерного конфликта. Необходимость выделения данного понятия в связи с разработкой концепции гендерного конфликта состоит в том, что конфликтность в значительной степени проявляется не в области установленных правил (иначе говоря, не в структурах социальности), а в ситуациях, возникающих в повседневной жизни на пересечении некоторых (нередко многих) объективных условий, и их субъективной интерпретации. В ситуациях, в частности, на задний план отступают формальные правила гендерных отношений, прежде всего установленный в цивилизованных странах конституционный принцип равенства полов.

В отличие от гендерных социальных практик ситуация гендерного конфликта одномоментна, в известном смысле неповторима, но при этом в ней ярко отражаются ценности, нормы, установки данного общества, которыми регулируются отношения между полами. При этом вовсе не обязательно участники конфликтной ситуации будут считать ее основанием гендерный фактор.

Власть при управлении событиями (иначе говоря, при определении ситуаций) должна быть способной принять во внимание то, что гендерный конфликт специфичен и восприимчив к вписыванию в концентрические круги других конфликтов, что стабилизирующие и интегрирующие функции конфликтов, являясь формой общественного соединения, без должного управления с учетом конкретно-исторического бытия их протекания могут расколоть общество, привести его к дезинтеграции.

Отрицание сложившихся ранее структур происходит в форме обострения противоречий, выражающихся во всеохватывающем структурном конфликте, ведущем к потере устойчивости. Причем следствия этого ощущаются не только обществом как таковым, но и каждым индивидом. Здесь проявляется особая роль ситуации в управлении поведением человека. Как показал еще Курт Левин, социальный контекст пробуждает к жизни мощные силы, стимулирующие или ограничивающие поведение. Причем нередко с наибольшим эффектом действуют внешне незначительные, а на практике важные детали ситуации¹.

С учетом изложенного определим ситуацию гендерного конфликта как целостную конфигурацию разнообразных внешних для субъекта условий и факторов, которые им определяются как существенно связанные с дифференциацией полов и побуждают к проявлению активности, направленной на поддержку той или иной гендерной ценности (нормы, позиции и т. д.) и на отрицание отличающихся от нее гендерных ценностей (норм, позиций и т. д.).

Здесь мы вновь подчеркиваем, что конфликтные отношения в сфере гендера не обязательно обладают характеристиками «войны полов». Достижения современной науки свидетельствуют, что неравномерность, дискретность, конфликты и их преодоление являются закономерностью качественного развития.

Гендерный ресентимент. Для характеристики определенной линии поведения в отношении гендерного неравенства мы пользуемся понятием, содержание которого подробно раскрыто Максом Шелером².

В трудах М. Шелера ресентимент — это ответная реакция на насилие, оскорбление и т. д., которая состоит в том, что подвергшийся агрессивному воздействию испытывает глубокое переживание, которое строится на чувстве собственного бессилия. Ресентимент выражает качественно негативную эмоцию, враждебность, он — источник изменения ценностей и основанного на них мировоззрения. Воздействуя на ядро личности и стимулируя формирование более низких ценностей, он вызывает своеобразную ценностную иллюзию и автоматически следующее за ней изменение картины мира, которая в большей или меньшей степени отклоняется от картины мира, основанной на позитивно-нравственных ценностях³. На этой базе установка по отношению к жизненному миру как сфере осмысленного действия мотивирует соответствующее преобразование повседневности.

М. Шелер отмечал, что наряду с общими условиями формирования ресентимента существуют определенные ресентиментные типы, которые не зависят от разновидностей индивидуальных характеров индивидов, так как имеют свое основание в известных, типично повторяющихся человеческих ситуациях⁴. Среди таких ресентиментных типов Шелер выделял в первую очередь женщину⁵.

Для нас эти положения М. Шелера безынтересны. Они показывают, почему в гендерной тематике трактовка конфликта как открытого противостояния неуместна. Тип реакции, какую представляет ресентимент, — а ее конфликтное происхождение несомненно, — характеризуется радикальным, качественным сдвигом в «порядке любви и ненависти»: ненависть превращается в свою про-

¹ См.: Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация: Уроки социальной психологии: Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 44.

² См.: Шелер М. Ресентимент в структуре моралей: Пер. с нем. СПб.: Наука; Университет. книга, 1999.

³ См.: Историческая психология: Предмет, структура и методы / Под ред. А. А. Королева. М., 2004. С. 91–92.

⁴ Шелер М. Указ. соч. С. 37.

⁵ Там же. С. 38.

тивоположность — в особого рода «любовь» к отвергаемым ценностям¹. В гендерном конфликте такая реакция достаточно распространена. В то же время ее обнаружение затруднено тем, что она является в нередко искаженных формах, скрывающих суть конфликта.

Итак, гендерным ресентиментом мы будем называть такое конфликтное отвержение гендерного неравенства в его конкретных проявлениях, которое состоит в видимом принятии установленных правил гендерных отношений в ситуации грубого подавления сопротивления и тайной подготовке к мщению при подходящем случае.

Гендерная активность. Понятие гендерной активности является своего рода репликой на понятие социальной субъектности, вошедшее в первую группу рассмотренных нами понятий, характеризующих гендерный конфликт. Но в группе понятий конфликтологического ряда оно имеет несколько иной смысл. Если гендерная субъектность это *возможность* активности, то здесь активность рассматривается в ее прямой форме — как социальное (индивидуальное или групповое) действие, назначение которого — поддержание или изменение гендерного статус-кво. Поддерживающие действия могут быть охарактеризованы через гендерную солидарность, отвергающие установленный порядок — через гендерное движение.

Гендерная солидарность. Сплоченность перед лицом угрозы гендерному превосходству может быть охарактеризована понятием «гендерная солидарность». В целом это понятие может быть представлено и в более широком контексте и выражать связь на основе любых гендерных ценностей, но в данном случае оно обретает смысл именно в конфликтной ситуации, когда установившаяся гендерная система подвергается атакам.

Гендерное движение. Своего рода противоположностью гендерной сплоченности

(в представленном выше смысле) является гендерное движение — способ проявления гендерной субъектности, состоящий в активном противодействии гендерному неравенству в организованных формах и с целью трансформации всей гендерной системы. Определение общественного движения в теоретической форме вполне возможно строить на понятии социальной субъектности².

Развитие феминистского движения стало важным фактором социальной жизни. Хотя оно мало затрагивает гендерный жизненный мир, но на уровне социальных структур его влияние оказывается все более заметным. Односторонность этого движения, как и других гендерно ориентированных проявлений социальной активности, не означает, что разрешение гендерного конфликта может осуществиться по модели утверждения этой односторонности взамен предшествующей. Нет оснований ни на теоретическом, ни на эмпирическом уровнях утверждать, что путь решения гендерных проблем состоит в трансформации социального порядка по пути к однообразию и однонаправленности. Идея установления «зеркального» общества непродуктивна для прогнозирования путей развития гендерного конфликта и его влияния на социокультурные изменения.

Уже на понятийном уровне становится ясным, что гендерный конфликт развивается не только в явных и осознанных формах. Напротив, в том, что касается гендерного жизненного мира, осмысление участниками конфликта своих интересов крайне незначительно. Здесь одна из главных проблем движений конца XIX века за женскую эмансипацию и современных феминистских движений: обостренность противоречия, выявляемая как конфликт, может трансформировать противоречие. Если в общей форме такие движения могут вызывать сочувствие и поддержку в обществе в целом (имея в виду главным образом слой неправящей эли-

¹ См.: Историческая психология... С. 92.

² См.: Луков В. А. Молодежное движение в социалистическом обществе: Методол. аспекты: Автореф. дис... д-ра филос. наук. М., 1989.

ты), то они нередко непонятны для тех, в защиту кого направлены, если мы рассматриваем уровень «обычных людей». В этом ракурсе гендерные движения могут не только не проявлять сущность гендерного конфликта, но и подменять ее феноменами ложного сознания. По нашему мнению, динамику гендерного конфликта более перспективно изучать по фактам перехода из сферы жизненного мира в сферу социокультурной организации общества на уровне социальных структур. Можно утверждать, что статусно-ролевые структуры обществ как социокультурных образований проходят свое становление и трансформируются под влиянием гендерного конфликта как феномена повседневности. Результатом этого становится закрепление, воспроизводство, обновление и демонтаж ценностей и норм социального порядка, практики социального управления. Это наиболее значимый путь для раскрытия гендерного конфликта как фактора социокультурных изменений.

Рассмотренная система понятий для описания гендерного конфликта уже в своей общей форме показывает главные направления

его исследования в качестве движущей силы социокультурного развития. Нас в этом аспекте должны в первую очередь интересовать три основных результата:

1) постоянно происходящее общественное перераспределение и/или переосмысление социальных статусов и ролей для разрешения конфликта;

2) формирование специфических социокультурных общностей на базе определенных социальных ценностей, норм, установок;

3) развитие специфических социокультурных феноменов — мужской и женской культур, вступающих в диалог и борьбу.

Переход гендерного конфликта из сферы жизненного мира в сферу социокультурной организации общества на уровне социальных структур ведет к воспроизводству и обновлению ценностей и норм, поддерживающих социальный порядок. На смену социокультурной модели монолитной мужской гомогенной в ценностном отношении культуры приходит модель другого культурно-ценностного мира, строящегося на диалоге мужской и женской культур.

ИЗ ХРОНИКИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

20 января 2005 г. На годовом собрании членов Российской секции Международной академии наук (IAS) состоялось вручение дипломов, свидетельствующих об избрании действительными членами (академиками) МАН группы крупных ученых, работающих в Московском гуманитарном университете. В 2004 г. академиками МАН, созданной в 1980 г. по инициативе дважды лауреата Нобелевской премии Линуса Полинга и других выдающихся ученых современности, стали директор Института гуманитарных исследований МосГУ проф. В. А. Луков, заведующая кафедрой социологии и декан факультета психологии МосГУ проф. А. И. Ковалева, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований и декан факультета научно-педагогических кадров МосГУ Вл. А. Луков, профессор кафедры культурологии МосГУ проф. В. М. Межуев, заведующая кафедрой психологии развития и акмеологии МосГУ проф. О. Г. Носкова, научный руководитель Института гуманитарных исследований МосГУ Б. Г. Юдин. Членом-корреспондентом МАН избран заместитель ректора МосГУ, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований А. Б. Тарасов.

На собрании членов МАН состоялось также вручение премии академии перспективным молодым ученым. Среди награжденных - старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований МосГУ Н. В. Захаров.

Дипломы академиков и премии вручал вице-президент МАН академик-секретарь Российской академии медицинских наук К. В. Судаков. Участников собрания приветствовал президент МАН В. Кофлер (Австрия).